

Семантические тенденции в русском языке начала XIX в. и их отражение в «Словаре русского языка XIX в.»

Каждый век — это новый этап в развитии социальной, культурной, логической, интеллектуальной жизни этноса. В словарях это можно увидеть через словник словаря, через иллюстративный материал, а также через смысловую структуру слова, через семантические типы его описания.

Существенным отличием от языка предшествующего периода в XIX в. является не только усиление «метафизичности», интеллектуализации, терминологизации в его словарном составе, но и изменение в семантической его системе. Проблемы «нового слога», о которых писал А. С. Шишков, во многом касающиеся лексических изменений на стыке веков, затрагивают также существенные изменения в языковой культуре начала века, влияющие и на принципы номинации и трансформацию смысловой структуры слова. Важно отметить, что наши наблюдения над языком конца XVIII — начала XIX в. совпадают с выводами литературоведов относительно подобной тенденции в культурной и литературной жизни России на стыке веков. Как отмечает исследователь литературы конца XVIII — начала XIX в. Э. Афанасьев, «в конце XVIII — начале XIX века само сознание писателя, художника, который жил и творил в XVIII в. начинает переменяться. Поначалу оно — поразительно отважное, но безоблачно плоское, мало отягощенное тяжёлыми сомнениями и не задумывающееся, что забвенны и отброшены бесценный идейный и эстетический опыт» предшествующих веков... В истории русской мысли, русского мироощущения — это, наверное, первый акт сознательного обдумывания, первый акт самосознания» [1: 5, 7]. Как отмечает исследователь, начало века — это расцвет мемуарного и эпистолярного жанров, в литературе ощутимо влияние народно-поэтических идеалов. На конец XVIII — начало XIX в. приходится «повзросление русской литературы.. и обретение отечественной словесностью идейной, художественной и языковой зрелости». [1: 5].

В начале XIX в., как отмечал в своих воспоминаниях С. Уваров, «не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным

занятиям» [3: 58]. В этой связи также стоит вспомнить и семиотический принцип романтизма, активно входящий в жизнь в начале XIX в., сформулированный Ю. М. Лотманом, при котором «жизнь избирает себе искусство в качестве образца и спешит «подражать» ему». [4: 181]. Семиотические принципы культуры эпохи романтизма нашли непосредственное выражение и в природе слова.

Пользуясь терминами «художественность» и «прецедентность», определим эту тенденцию начала XIX в., которую условно рассматриваем как «новый слог» с точки зрения семантики, как стремление к художественности даже на уровне контекста (а художественность — через интеллектуальную, ассоциативную, психологическую прецедентность). Слово в контексте обретает постепенно другую значимость через формирование категории, которая еще отсутствует в языке XVIII в. — это *концептуальная прагматика*. Оговорюсь, что ее характер может быть различен. Слово способно вызывать определенные эмоции, ощущения (позитивные, негативные), когда происходит намеренное усложнение семантики через эстетизацию, поэтизацию (усиление образности в сравнении и т. д.), интеллектуализацию, иронию. Слово в нехудожественных текстах начинает моделироваться как художественное.

Приведем пример. Как определить значения слов *синий*, *петля* в следующей фразе: *"Хотя не было в чулках ее ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых академиком в чепце"* (П. Вяземский) [3: 188]. Очевидно, что автор ассоциативно апеллирует к смыслу фразеологизма «синий чулок» (речь в тексте идет о А. Смирновой-Россет), предлагая нам одновременно языковую и интеллектуальную игру поиска своей ассоциативной аналогии. Отметим, что обычно случаи авторских употреблений находятся за пределами словарного описания как нерегулярные семантические сдвиги. Но в XIX в. этот тип семантических модуляций становится тенденцией и во многом определяет языковую специфику века. И в связи с этим хочется сразу поставить вопрос: нужно ли отражать такие языковые факты в дифференциальном историческом словаре, и если да, то каким образом?

Или, *"Одним словом, в запасе любезности ее было если не всем сестрам по серьгам, то всем братьям по сердечной заговоздке, как сказал бы Жуковский. Молодой русский врач С. был также в числе прихваченных гвоздем."* (П. Вяземский) [3: 188]. В этом контексте интересно употребление слов *заговоздка*, *гвоздь*, употребление которых возможно определить не только из ассоциативной связи с интеллектуально, культурно ориентированного и перифразированного фразеологизма «всем

сестрам по серьгам», но и из художественно интерпретированного на его основе контекста.

Тот факт, что подобного рода контексты становятся языковой реальностью века XIX, при рассмотрении большого количества нехудожественных текстов становится очевидным. Еще в конце XVIII в. образные употребления, развернутая метафора, вторичная образная номинация воспринимаются нами неорганично, искусственно, а современниками, как оригинальный творческий акт: «Там ветряные мельницы чрез дыхание нежного Зефира в движение приходили... Там мы под молодым березничком грибок от земли отделяли. Там увидели, что стог сена был весь в полуме...» [7: 197]. Нелучшие примеры из работы А. Шишкова приведены нами специально в качестве иллюстрации того, что благодаря им становится понятным, что конец XVIII в. является еще только школой, в которой формировалась не только новая лексика и новый синтаксис, но и одновременно осознанно апробировалась и кристаллизовывалась и новая семантика, расширяющая обычное значение и употребление до концептуальной прагматики.

Приведем еще пример из «Прибавления..к Рассуждению о старом и новом слоге» А. Шишкова. Он цитирует своего оппонента: «Не знаю, почему не нравятся Автору слова: развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно, хотя они *не носят на себе иностранного мундира.*» и замечает далее сам «Напротив: для того-то они и не нравятся мне, что *носят иностранный мундир* (я бы не употребил сего выражения, есть ли бы не должен был повторять чужие слова), или лучше сказать, *не мундир, но серой кафтан с лацканами и обилагами.* Это еще хуже *настоящего иностранного платья.*» [6: 45-46, курсив мой — М.П.]. Обратим также внимание на комментарий А. Шишкова: «я бы не употребил сего выражения, если бы не должен был повторять чужие слова», однако сам разворачивает метафору далее. Очевидно, что языковая игра, с одной стороны, осознается как элемент новизны и творческого начала в письменном тексте, а потому в некоторой степени и как его чужеродный элемент, с другой, — становится неотъемлемым фактом языкового воздействия как языковая тенденция.

Слово в языке XIX в. ощутимо становится не столько средством выражения, сколько целью интеллектуального, эстетического воздействия, возможностью выразить невыразимое. Можно выделить несколько причин этого. Это и естественное формирование культуры в сторону углубления, осмысления, аналитизма духовных процессов, и шлифовка языка художественной литературы, и общее увлечение словесностью в начале века, и ориентация культуры эпохи романтизма на народное символическое

слово, на фольклорную поэтику; нельзя не учесть и влияния лексического и синтаксического строя французского языка. Нельзя также не учитывать степень индивидуальной талантливости авторов в работе со словом.

XIX в. с этой точки зрения — это кристаллизация и осознание концептуальной прагматики слова. Данное явление в языке — это результат формирования культуры письменной речи, стремления к эстетизации и интеллектуализации языка и жизни. Можно утверждать, что смысловая структура слова с элементами концептуальной прагматики становится результатом данного комплекса причин, синтез которых в начале XIX в. достиг оптимального сочетания.

Формируется, таким образом, в XIX в. поэтическая семантика (Л.Новиков), или, другими словами, эстетическая (Г.Шпет). Поэтому в связи с созданием «Словаря русского языка XIX века» перед нами стоит трудная задача отражения нового лингвистического объекта, и этот факт требует особого рассмотрения.

О значении как эстетической категории писали в свое время А.Потебня, Г.Шпет, Б. Ларин, Л.Новиков. Критерий «эстетичности» слова четко сформулировал Г.Шпет [8]. Выделяя из значения «логический дифференциал», он отмечает, что некоторые слова способны вызвать эмоции (отрицательные, положительные), некоторые — интеллектуальное наслаждение, некоторые позволяют увидеть эмоциональное состояние говорящего. Иными словами, когда *слово способно восприниматься индивидуально*, когда оно продукт интеллектуального творчества и эмоционального воздействия — оно, по Шпету, обладает языковой эстетикой, в его значение добавляется «поэтический дифференциал». [8].

Независимо от терминологического разнобоя, понятно, что речь идёт о факте создания в слове сознательных дополнительных интеллектуальных, ироничных смыслов и т.д., о таком факте, когда слово становится актом дополнительного воздействия, когда принципиальным становится его двуплановость или многоплановость, иными словами, когда слово становится художественным без соотнесения его с языком художественной литературы.

Очевидно, что особую языковую реальность всегда образует язык художественной литературы. В отличие от обычного языка в языке художественной литературы, по терминологии логической семантики, отсутствуют референты. Язык художественной литературы моделирует другую реальность. (В языке поэзии этот аспект ещё больше усложняется). Как отмечает Л.Новиков, пользуясь традиционными терминами семантики, в структуру слова помимо внутренней формы, понятия, значения включается *авторская удалённость* и *идеологическая модальность* [5].

Semantic tendencies in the Russian language of the beginning of the XIX century and their reflection in the "Dictionary of the Russian Language of the XIX century"

In the report a problem of the lexical and lexicographic semantic nuances in the Russian language of the XIX century is brought up for discussion, specifically, the conceptual pragmatics.

Как это традиционно отмечается в работах по художественной стилистике, слово в языке художественной литературы обладает не только смысловой синтагматикой, но и смысловой парадигматикой, что в словарях отразить фактически невозможно. Слово в художественном тексте становится элементом нескольких парадигм: слово — контекст, слово — текст (концепт), слово — писатель (символ).

Но в конце XVIII в. эти свойства художественного слова выходят за рамки поэзии и художественной литературы. Как отмечено выше, и мы это видим по нашим источникам, в начале XIX в. все большее распространение получает мемуаристика и эпистолярный жанр, в которых оттачивается художественность слова, значение становится объемным и многоплановым. И этот процесс, начавшийся в конце XVIII в., получил свое развитие в языке века XIX в.

С точки зрения лексикографической методологии описания слова перед нами обычные случаи индивидуально-авторских «употреблений», отражают языковую тенденцию, а потому, на наш взгляд, должны быть в Словаре XIX в. отражены. Необычным в них следует считать то, что они становятся традиционными для не художественных текстов, но, очевидно, эстетически на них ориентированных. Причем это употребления, толкование которых невозможно исходя из контекста. Сам такой контекст невозможно истолковать либо без соотнесения с содержанием текста, либо без знания культурных, языковых ассоциаций. Поэтому перед нами сложная методическая проблема, требующая особого лексикографического оформления, но ее решение существенно расширит научный потенциал Словаря.

Литература

1. Афанасьев Э. «На пути к XIX в. Русская литература 70-х гг. XVIII - 10-х гг. XIX в.». М., ИМЛИ РАН, 2002.
2. Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. ЛГУ, 1964.
3. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М, 2001.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб., 2002.
5. Новиков Л.А. Значение как эстетическая категория // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1987.— С. 101-116.
6. Шишков А. Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка», или собрание критик, изданных на сию книгу. СПб., 1804.
7. Шишков А. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка СПб., 1803.
8. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Прг., 1923.